

Нынче и парни, и девчонки устроены одинаково: если природа наградила смазливym личиком, характер обязательно будет паршивым. Сплошные капризы, не подступишься.

Чтобы выведать хоть какие-то сплетни о Хань Лине, Линь Цзунцзе пришлось изрядно раскошелиться. Он тенью таскался за Лу Цинюань, безропотно носил её сумки и без конца покупал молочный чай. Сам он эту приторную гадость терпеть не мог, но ради дела, зажав нос, мужественно влил в себя полстакана. Зато девчонка, оценив такое рвение, сменила гнев на милость и наконец-то соизволила пролить свет на историю с Чжоу Цзинь.

Хань Линь в общении с противоположным полом всегда оставался безупречным джентльменом — неизменно вежливым, предупредительным, ни единым жестом не выказывающим раздражения. Совсем не то что Линь Цзунцзе с его манерой зыркать исподлобья, рывкать и бурно жестикулировать. Трусихи от одного его вида ревели в голос, а девчонки боевые, вроде Лу Цинюань, в крайнем случае могли огрызнуться. Но вот получать пощёчины при расставании Линь Цзунцзе точно никогда не доводилось.

Они вообще были полными противоположностями: один — скрытный и сдержанный, другой — шумный и бесшабашный. И хотя за Линь Цзунцзе прочно закрепилась слава отпетого мерзавца, сам он в глубине души был убеждён: настоящие подлецы — это как раз такие типы, как Хань Линь. Линь Цзунцзе, расставаясь с очередной пассией, честно брал всю вину на себя. Брошенная бедняжка со спокойной совестью костерила его и его предков до седьмого колена, исходила злобой месяца два-три, да и выбрасывала из головы.

А Хань Линь? Брось он кого-нибудь, девчонка ведь изведётся мыслями, будто сама во всём виновата: лицом не вышла или умом недоросла. Будет годами лить слёзы, пытаясь его вернуть, а на сердце на всю жизнь останется незаживающий рубец. И при каждом воспоминании о нём грудь будет жечь калёным железом, а в голове крутиться одна и та же тоскливая мысль.

«И почему я тогда его упустила?»

Да уж, по силе разрушительного последствия и масштабу нанесённых девичьим душам травм Хань Линь безоговорочно выигрывал. И плевать, что тот ещё ни разу ни с кем не встречался — Линь Цзунцзе для себя этот факт уже твёрдо зафиксировал: Хань Линь — первостатейный гад.

То ли от избытка приторного чая, то ли ещё от чего, но в груди у Линя противно зудело. Впервые в жизни он, уподобившись базарной торговке, раздобыл кучу пикантных сплетен и теперь прямо-таки сгорал от нетерпения поделиться ими с Хань Линем. Но вот беда: из трёх часов вечерней самоподготовки два уже пролетели, а соседняя парта так и оставалась пустой.

— Куда опять этот придуток подевался?

Силы в ногах у Линь Цзунцзе было хоть отбавляй. Пинок вышел такой, что не окажись у сидящего впереди Сун Чэна столь крепкий центр тяжести, тот улетел бы вместе со стулом напрямиком к учительской кафедре.

— Ну ты спросил, Президент! — отозвался Сун Чэн. — Откуда мне знать, где шляется наш учебный староста?

— Да из-за того, что его нет, я даже...

Он осёкся.

Наступила тишина. Оба парня уставились друг на друга. Линь Цзунцзе ждал продолжения от Сун Чэна, Сун Чэн — от Линь Цзунцзе. Так они и таращились друг на друга добрых пять минут, пока у обоих не заслезились глаза и не затекли шеи. Наконец Сун Чэн не выдержал.

— Ну и? Его нет, и что ты?

В глазах Сун Чэна вспыхнул такой неистовый азарт сплетника, что он стал похож на голодного щенка, выпрашивающего миску молока.

Линь Цзунцзе растерялся. В голове образовалась звенящая пустота — он и сам уже не помнил, что собирался сказать. Действительно, ну нет Хань Линя, и хрен с ним. Какая разница?

— Да то, что мне теперь некому домашку сдавать! — буркнул Линь Цзунцзе, чувствуя, как внутри закипает непонятная злость.

Как говорится, назвался груздем — полезай в кузов. С какого бодуна этот учебный староста вздумал отлынивать? Тут, понимаешь, целая заблудшая овечка ждёт спасения, а пастырь просто взял и умыл руки? Безответственный эгоист.

Хань Линь так и не появился до конца уроков. Домой Линь Цзунцзе возвращался надутый как мышь на крупу, хотя и сам не понимал почему. Собирая портфель, он запихивал туда учебники с такой яростью, словно дрался с ними не на жизнь, а на смерть. Сун Чэн перед уходом хотел было попрощаться, но, оценив витавшую вокруг «Президента» ауру «не влезай — убьёт», благоразумно предпочёл по-тихому смыться.

В девятом классе было незыблемое правило: дежурный перед уроками вычерчивал на доске отдельную рамку, где учителя выписывали домашние задания на день. Перед уходом из школы Линь Цзунцзе долго гипнотизировал взглядом эти списки. Он даже достал ручку, но, поколебавшись, не записал ни строчки.

Дома он наскоро ополоснулся в душе, швырнул рюкзак и телефон на письменный стол и принялся яростно тереть мокрую шевелюру полотенцем. Попытка отыскать фен не увенчалась успехом, но стоило ему нагнуться под стол, как внезапно зажужжал мобильник. От неожиданности Линь Цзунцзе резко выпрямился и со всего маху впечатался затылком в край столешницы.

— Твою ж мать!..

В глазах полыхнуло, волна тупой боли прокатилась от макушки до самого копчика. Линь Цзунцзе осел на пол, обхватив голову руками. Несколько минут он сидел, массируя ушибленное место, а когда искры перед глазами поутихли, зло сплюнул:

— Какого хрена?..

Определённо, сегодня был не его день. Всё шло наперекосяк.

С трудом поднявшись, он сердито сцапал телефон. На экране светилось сообщение от незнакомого номера. Линь Цзунцзе открыл его и фыркнул: какой-то доброхот прислал ему список домашних заданий.

Домашка?

Серьёзно?

С каких это пор Линь Цзунцзе стал делать уроки?

Он уже замахнулся, чтобы швырнуть телефон на кровать, но в последний момент пальцы замерли. Линь Цзунцзе нахмурился.

«Стоп. А вдруг это Хань Линь?»

Кроме этого зануды, во всём девятом классе просто не было человека, которому пришло бы в голову заниматься подобной ерундой.

Губы сами собой расплылись в глупой улыбке. Он лихорадочно ткнул на незнакомый номер и нажал вызов. Сердце заколотилось как сумасшедшее в предвкушении триумфа. Ему не терпелось проверить свою догадку, но из динамика донёлся лишь бесстрастный механический голос:

— Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Пожалуйста, позвоните позже...

Да чтоб тебя! Скинул эсэмэску и тут же отключил телефон. Ну точно Хань Линь, к гадалке не ходи!

Злость улетучилась, уступив место какому-то странному азарту. Линь Цзунцзе торопливо сохранил номер в контактах. Набрав имя «Хань Линь», он на секунду задумался, а затем стёр

буквы и решительно вбил: «Мерзавец».

Именно так — мерзавец.

Уж такой честный, благородный и открытый парень, как Линь Цзунцзе, никогда бы не додумался до подобного коварства.

А значит, Хань Линь — форменный негодяй. Диагноз окончательный и обжалованию не подлежит.

«Есть одна девчонка, вредная немного, а ещё упряма, не видна дорога... Есть одна девчонка, спорит со всем светом... А-а-а! Да, я девчонка эта!»

Разжившись номером Хань Линя, Линь Цзунцзе воспрянул духом. Шутка ли: ещё пару дней назад этот зануда наотрез отказывался делиться контактами, а тут сам прислал сообщение. Должностные обязанности учебного старосты он, конечно, исполнял справно, но вот эта дурацкая привычка отключать телефон сразу после отправки...

Свинство, чистой воды свинство.

Впрочем, даже это не могло испортить Линь Цзунцзе праздничного настроения. Номер-то теперь у него!

Если Линь Цзунцзе не опаздывал, то непременно заявлялся в школу раньше всех. С его утренним распорядком по-другому и не получалось: подъём по расписанию, личный водитель довозит от порога до порога за двадцать минут, а весь остальной девятый класс состоял сплошь из чудиков, обожавших влетать в кабинет ровно за секунду до звонка.

С математикой Линь Цзунцзе не дружил, так что высчитать оптимальное время выхода он не мог физически. Задачи в духе «Дом Сяо Мина находится на расстоянии x км, скорость машины y км/ч, определите время выхода, чтобы переступить порог школы ровно за десять секунд до начала уроков» вызывали у него глухое раздражение. Проще было приехать заранее.

Напевая под нос весёлый мотивчик, он ввалился в класс и едва не пропахал носом пол, запутавшись в собственных ногах: за своей партой с идеально ровной спиной уже сидел Хань Линь.

— Где домашка?

Три неизменных слова. Стоило безжалостному учебному старосте увидеть Линь Цзунцзе, как он сразу включал эту пластинку. Линь Цзунцзе даже портфель под парту задвинуть не успел, а перед его лицом уже возникла раскрытая ладонь. При виде неё в голове мелькнула дикая мысль: ухватить эти тонкие пальцы и с самым наглым видом заявить, что ничего он делать не

собирался.

Кожа у Хань Линя была белой, пальцы — тонкими и изящными. Наверняка ладонь у него мягкая, держать её — одно удовольствие.

«Но он же обидчивый как девчонка. Пожму ему руку — ещё по роже огребу»

Линь Цзунцзе задумался.

«А что, если позвать его поиграть в баскетбол? Там, под шумок, можно будет и за плечи приобнять, и за руку цапнуть...»

Пощупать?

Тьфу ты, бред какой! Оба же парни, о каких вольностях вообще речь? Подумаешь, руку пожать. Если кто-то начнёт кривиться из-за обычного мужского рукопожатия, то он просто конченный неженка.

— Эй, ты завис? Домашку давай, — Хань Линь недоуменно прищурился, глядя на одноклассника, который тупо гипнотизировал его ладонь. Учебный староста убрал руку и дважды постучал согнутыми пальцами по столешнице: — Ау.

— Не-а, не написал, — выпалил Линь Цзунцзе. Поняв, что его застукали за глупым разглядыванием рук, он торопливо плюхнулся на стул и принялся с преувеличенным усердием заталкивать портфель под парту. Голос его прозвучал заикающеся, но нагло.

Хань Линь даже бровью не повёл. Спокойный как удав, он лишь убрал руку, раскрыл свою тетрадь и, не поднимая глаз, ровным голосом спросил:

— И почему же?

— Так ты вчера домашку не подготовил.

— Я же скинул тебе сообщение.

— А откуда мне знать, что это от тебя? Я решил, какая-то дурочка сохнет по мне и таким хитрым способом пытается познакомиться.

— Пиши сейчас. Сколько успеешь, — Хань Линь бросил короткий взгляд на наручные часы. — В девять собираю тетради.

Линь Цзунцзе онемел от такой наглости.

— Чего сидишь? Пиши давай.

«Слышь, ты...»

В Линь Цзунцзе взбунтовалась гордость. Он, чёрт возьми, гроза всей школы, громила, за которым тянется шлейф дурной славы! Он за два года ухитрился перевестись изо всех приличных заведений города из-за своего буйного нрава. С какого перепугу им сейчас помыкает этот хлипкий отличник?

От этой мысли стало невыносимо обидно. Он с силой швырнул ручку на стол и сердито буркнул:

— Не буду я ничего писать!

Ручка со стуком покатилась по парте и с сухим щелчком рухнула на пол.

Хань Линь даже головы не поднял. Лишь кончик его карандаша на мгновение замер на бумаге.

— Подними, — бросил он ледяным тоном.

<http://bllate.org/book/18229/1752607>